

полит

В.С.Мартьянов ПАРАДИГМЫ РОССИЙСКОЙ ПОЛИТОЛОГИИ

С момента своей официальной легализации в 80-е годы XX в. российская политическая наука прошла через несколько этапов, для каждого из которых были характерны собственные ценностные и методологические приоритеты, в свою очередь во многом обусловленные процессами, развертывающимися в российской политике. На первом этапе главный вектор развития отечественной политологии определялся взаимодействием (часто некритичным) огромного массива теорий, от которых российское обществознание было изолировано по идеологическим причинам. В этот период в ней господствовали методологические и мировоззренческие установки транзитологических теорий, постулировавших неизбежность перехода к «идеальным типам» демократии и капитализма, существующим в развитых странах. Разочарование в эффективности прямого переноса западных институтов на отечественную почву закономерно обернулось на втором этапе выдвижением на передний план цивилизационных и националистических концепций, подчеркивавших социокультурную специфику России и настаивавших на изучении ее с помощью «аутентичных» методов. Наконец, третий этап связан с теориями глобализации, попытками преодолеть чрезмерную зависимость от внешних интеллектуальных и политических императивов и поиском новой универсальности России в постбиполярном мире как органичного продолжения ее «особости».

Настоящая статья посвящена анализу конкурирующих парадигм политической науки с точки зрения их влияния на развитие отечественной политологии.

Транзитологические концепции

Парадигма модернизации как движения к современности есть утверждение всеобщности ценностей и институтов Модерна в их европейском варианте. Институты и ценности западного Модерна трактуются как универсальные, к которым «естественным образом» должны прогрессировать все народы мира. Отклонения от либеральной демократии осмысляются как временные патологии, никоим образом не отменяющие универсальности институтов демократии, прогресса, свободы, конкуренции, поскольку любая *политическая патология* может и должна быть излечена.

В наиболее радикальном виде парадигма модернизации представлена транзитологией, исходящей из аксиомы о неизбежном преобразовании любого недемократического общества в демократическое.

Фабула подобного перехода воспроизводит архетипический сюжет о наступлении «золотого века» («конца истории») через достижение всемирного «гражданского» либерально-демократического состояния. В данном случае ценностный политический идеал отождествляется с вполне конкретным политическим устройством западных стран. Соответственно, все внимание теоретиков сосредоточивается на разрыве между должным и действительным. Рефлексия относительно ценностей и норм политики отпадает за ненадобностью, ибо таковые предписаны изначально. Речь идет лишь о технических аспектах, условиях, способах и времени перехода к «золотому веку». Именно такая установка и лежит в основе разнообразных транзитологических моделей — «циклической», «второй попытки», «прерванной демократии», «деколонизации» и т.п.¹

¹ Гуторов 2001: 73.

Использование дуальных схем «государство — гражданское общество», «демократия — тоталитаризм», «план — рынок», «традиционное — современное» в качестве нравственных оппозиций придает транзитологии отчетливо выраженный манихейский характер. Перечисленные оппозиции начинают иллюстрировать уже не «идеальные типы» М.Вебера, каковыми они изначально являлись, но саму борьбу добра и зла. Классифицируя политическую реальность с помощью данных категорий, транзитология заранее приписывает ей определенные свойства.

Претендуя на культурную, идеологическую и нравственную нейтральность, транзитология а priori содержит в себе радикализованные моральные оценки, которые включены в сами категории описания и не требуют обращения к чему-либо вовне. Мораль здесь уже «онаучена» и объективирована посредством весьма ограниченно трактуемых универсальности, полезности и эффективности политики. Поэтому рефлексия по поводу собственных ценностных аксиом внутри транзитологических теорий не имеет смысла. Тем самым транзитология побуждает своих адептов превращаться из ученых в идеологов, чьи концепции в принципе не способны пройти проверку попперовским критерием фальсифицируемости.

В силу этого при обращении к анализу «чужой» (а значит — «патологической») политической практики транзитологический дискурс приобретает черты мессианства, нетерпимости и дидактизма. Транзитология оформляется в псевдонейтральную политическую теорию, опирающуюся на панлогистскую аксиому о наличии неких универсальных норм, которые потенциально могут быть распространены на любой политический режим, цивилизацию, человечество в целом. Собственно говоря, реализация этого набора норм (демократия, капитализм, права человека, свобода и т.д.) в глобальном масштабе и должна привести к концу истории в ее нынешнем виде, то есть к окончательному изживанию конфликта партикулярных интересов.

Применительно к российской ситуации отправная аксиома транзитологии заключается в том, что Россия есть не более чем «частный предмет», лишенный собственной логики исторического и социокультурного становления, который полностью описывается универсальной

политической теорией. Понятно, что в рамках такого подхода оригинальная российская политология, исходящая из логики отличий, национального как особенного, своего пути, оказывается просто невыполнимой. Транзитологическая теория пронизана духом панлогизма и евроцентризма. Она направлена на заимствование нормативных ценностей, политических институтов и теорий у Запада, представляющегося чем-то вроде «земного политического рая», где нашел свое воплощение политический идеал. Исторически транзитология в России связана с догматическим западничеством, начиная с Петра I и П. Чаадаева и заканчивая советскими диссидентами, либералами и правыми политическими силами, такими как «Демократический выбор России», «Союз правых сил», «Либеральная Россия» и т.п.

Вследствие теоретической прескриптивности транзитологии речь в ней может идти лишь об адекватности/неадекватности, соответствии/несоответствии российской политики идеям (в платоновском смысле) свободы, демократии, рынка и т.д., присутствующим в сознании теоретического субъекта в качестве «идеальных», интуитивно ясных и самоочевидных. В результате «самоочевидные» политические понятия, которыми оперирует теория транзита, превращаются скорее в ритуальные заклинания, с помощью которых невозможно ни адекватно описать, ни разрешить теоретико-методологические и прикладные проблемы трансформации российской действительности.

Ключевыми понятиями в политической логосфере транзитологии являются «гражданское общество», «свобода», «демократия», «конкуренция», «рынок», «права человека» и «эффективность». Обобщающим ценностным концептом, реализующим в политическом праксисе все перечисленные, стало понятие «реформа». «Реформа» — ключевой легитимирующий концепт транзитологического дискурса российской политической науки 90-х годов XX в. Политический праксис «реформ» опирался на сверхценность негативного «освобождения от прошлого», усиленную политическим комплексом неполноценности элит и большей части общества, обусловленным поражением в холодной войне.

Вторым легитимирующим концептом транзитологии выступало «гражданское общество», оправдывавшее отказ от традиционного для научного коммунизма описания общества сквозь призму классовой борьбы. Как следствие, политические и социологические категории описания (классы, государство, идеологии, партии, социальные группы), фокусировавшие внимание на реальной конфликтности политического взаимодействия в социуме, подменялись культурологическими и антропологическими (этнос, индивид, язык, культура, дух, идентичность, ментальность и т.п.), переводящими политические конфликты в неполитические сферы жизнедеятельности общества. Подобное замещение было призвано обосновать адекватность представления о возможности разрешения политических конфликтов посредством «консенсуса», «плюрализма», выработки «общенациональных интересов», воспитания толерантности, внедрения институтов разделения властей,

выборов и т.п. Одновременно «большая часть нормативно насыщенных понятий („справедливость“, „нация“, „права“, „патриотизм“, „общество“, „добродетель“, „тирания“ и др.), обусловливавших ранее классические идеи политической науки», была вытеснена «количественными данными и политическим анализом, которые привнесли такие безжизненные понятия, как „установка“, „когниция“, „социализация“ и „система“. Это... привело к смещению научных интересов с критических, нормативно значимых вопросов об основах политики к вопросам об эмпирически управляемом и политически полезном»².

² Кабаченко 2001: 102.

Очевидно, однако, что появление интегральной «национальной идеологии», снимающей все классовые, социальные, экономические и прочие противоречия, означало бы конец политики как таковой. Идеологии не могут быть надпартийными, объективно отражающими интересы всего общества, народа, нации. Политические интересы — это всегда чьи-то интересы, как бы хорошо они ни маскировались под нужды государства, цивилизации, человечества вообще.

Таким образом, транзитология легитимировала новый политический порядок не консенсусом и новым общественным договором, которые так и не были выработаны, и не «национальной идеологией», которой не может быть по определению, а самой идеей перехода от патологического (критика тоталитарного советского прошлого) к идеальному (апология «цивилизованного общества» через концепт «реформ»). Но переход этот совершить не удалось, точнее, результаты реального перехода оказались далеки от ожидаемых. В поисках объяснения, почему реформы не достигли намеченных целей, российские реформаторы обратились к теоретической схеме «демократий с прилагательными» в рамках все того же бинарного кода «норма — исключение», «догма — ересь».

Но реформы не могут служить вечным легитимирующим основанием политического порядка, тем более когда они не дают обещанного позитивного эффекта. Именно поэтому так неудачно сегодня выглядят концепции, которые пытаются включить отечественные реалии в поле «универсальных» теорий транзита и модернизации через черный ход временного «патологического» отклонения от «нормы», постулируя неизбежность возвращения России в лоно европейской цивилизации, отождествляемой с Современностью-Модерном. Для описания нынешнего режима изобретаются все новые и новые неологизмы: «прото-», «квази-» или «фасадная демократия», «затянувшийся транзит», «эрзац-демократический режим», «полудемократия», «русский гибрид» и т.п.³ Постсоветскую демократию определяют как «дефектную», «заблокированную», «нелиберальную»⁴. Этот дискурс «патологического отклонения» дополняют теории государственно-монополистического и феодального капитализма или даже индустриального феодализма⁵. Однако ни одна из подобных концепций не способна объяснить происходящее в силу ограниченности самой идеи универсального транзита.

³ Гуторов 2001: 74.

⁴ См. Бляхер 2003: 63.

⁵ Бычкова 2001: 164.

По сути дела, транзитологическая парадигма есть сугубо «техническая» модель политологии, исключающая рефлексию относительно тех ценностей, на основе которых осуществляется анализ политической реальности⁶. На аксиоматическом уровне предполагается, что истина, метод и инструментарий уже выработаны, политические ценности универсальны и задача состоит лишь в их усвоении и приложении к частному предмету, лишенному специфических качеств.

⁶ Казанцев 2001: 53–54.

Критика и коррекция постулатов транзитологии

Едва ли не первыми исчерпанность и тупиковость транзитологии осознали именно советологи, некогда внесшие наибольший вклад в ее создание. Западная советология, представлявшая поначалу авторитетный дискурс в формирующейся российской политической науке, не смогла ни предсказать, ни концептуально осмыслить в рамках парадигмы транзита реальные трансформации постсоветской действительности. Дело в том, что сама советология находилась в определенных идеологических шорах и не столько анализировала происходящие в России политические процессы, сколько пыталась перенести на инокультурный, «варварский» объект устоявшиеся на Западе нормы и ценности. Не случайно актуальный идеологический тренд в российской политологии принял форму отказа «от дискредитированного понятия „реформа“ и перехода «к фразеологии, связанной с „возрождением“, „развитием“, „государством“ и т.п.»⁷.

⁷ Прозоров 2001: 26.

Некоторые авторы, правда, пытаются спасти теорию модернизации и транзитологию, приписывая «переходным обществам», прежде всего Восточной Европе и странам СНГ, «социокультурную травму» (очередной вариант патологии!), которую необходимо преодолевать путем «гражданского ремонта» и «мультикультурализма»⁸. Однако сама необходимость движения к универсальной политической «модерности» становится все более сомнительной. Как справедливо отмечает Б.Капустин, «„транзитологическая“ парадигма есть лишь стыдливое воскрешение из мертвых той самой теории модернизации, которая процветала в 1950–1960-е годы, будучи предназначена для возникавшего тогда „третьего мира“, и почил в 1970-е, выявив свое интеллектуальное банкротство и политическую иррелевантность»⁹.

⁸ См., в частности, Штопка 1996; Александер 2002.

⁹ Капустин 2001: 7.

Параллельное развертывание процессов экономической глобализации и культурной фрагментации современного мира ставит под вопрос универсальность и самих классических ценностей, лежащих в основе транзитологической теории. Так называемая «глокализация»¹⁰ отчетливо демонстрирует историческую и культурную граничность моделей европейского Просвещения и Модерна, которые оказываются универсалиями цивилизационного типа с четкими историческими лимитами релевантности. Столкновения с этой исторической граничностью вне ареала Просвещения подтверждают устойчивость культурных и исторических особенностей различных регионов мира, что, в свою очередь, исключает транзит от «патологий» к единой норме.

¹⁰ Robertson 1995.

Идеологический характер транзитологии лишает ее возможности адекватного методологического осмысления того, что она описывает. В рамках фундаментальных просвещенческих установок — объективизма, прогрессизма, рациональности и культурной однородности — ценности и традиции, обуславливающие значимые отличия не-западных политик, отсекаются как второстепенные. Особенно явной эта неадекватность становится в условиях кризиса Модерна. «Тот факт, что неотвратимые законы и тренды истории тоже есть что-то перспективы и стратегии, которые „рациональны“ лишь в той мере, в какой за ними стоит сила победителей, — констатирует Капустин, — не рефлексивируется теорией модернизации и современной „транзитологией“, что и делает имморализм... элементом их общей парадигмы»¹¹.

¹¹ Капустин 2001: 10.

В основе того типа Модерна-Современности, к которому апеллирует транзитология, лежит нормативная схема из двух теоретически взаимообусловленных ценностей: рыночно-капиталистической экономики и либеральной демократии. Но данная схема работает только при описании социокультурной реальности европейской цивилизации. Распространение ее вовне обнаруживает несвязанность даже упомянутых признаков. Весьма показательны в этом плане феномены недемократических, но либерально-капиталистических государств, таких как Сингапур.

Отождествление капитализма и демократии оказалось не универсальным, что опровергает постулат, согласно которому политическая демократия возможна только как «надстройка» над рыночной экономикой. Парадоксальный опыт современной России свидетельствует о том, что либерализация экономики вполне способна привести и к ее «декапитализации».

Пытаясь подогнать не укладывающуюся в предписания своей политической теории действительность под идеализированные нормативные схемы, транзитология сама загнала себя в идеологическую ловушку. Выписка рецепта здесь предшествует анамнезу болезни, а тот, в свою очередь, зачастую фальсифицируется самим врачом. Идеиный провал транзитологических рецептов для России связан именно с отсутствием у исследователей методологической рефлексии по поводу исторических, цивилизационных и иных детерминант, которые отбрасывались или игнорировались. В результате такие детерминанты проявлялись уже *a posteriori*, после некритичного использования нормативных схем. Не выдержав нагрузки, «натянутые концепты», опиравшиеся на авторитет привилегированного политического дискурса «развитого мира», просто «лопнули». Более того, стало полностью очевидно, что «не стоит стремиться найти универсальное познавательное средство, которое поможет раз и навсегда ликвидировать „айсберги“ как таковые. „Титаник“ не превратится в ледокол; то, что годится для одних случаев, не всегда пригодно для других...»¹²

¹² Гельман 2001: 12—13.

Пока реальные социально-политические феномены осмыслялись с позиций идеального, финального состояния политики, реализованного «здесь и сейчас» в виде западного Модерна, подтвержденная опытным

путем в ходе множества реформ и политических экспериментов несводимость России к нормативному идеалу воспринималась как патология, которую надо вылечить «шоковым путем». Но привилегия любой нормы оформляется именно за счет не-нормы, своего рода «проклятой стороны вещей»: норма разума — через противопоставление безумию, норма закона — через определение преступления и т.д. Поэтому попытка реализации западного Модерна в глобальном масштабе, обнаружившая его граничность, привела к закономерному кризису, интерпретируемому как постмодернизация, глобализация, виртуализация и т.п. Выяснилось, что для собственного воспроизводства западному Модерну необходим культурно-политический «варвар», в сравнении с которым он является идеалом и нормой. На протяжении многих лет в роли такого «политического варвара» выступал СССР, и с его крушением для западного Модерна наступили тяжелые времена.

Кризис политических институтов Модерна (распад привычных классов и социальных групп, деидеологизация партий и профсоюзов, сокращение массового участия в политике и т.д.), повлекший за собой профанацию его базовых ценностей, показал всю идеологическую уязвимость и исчерпанность догматических транзитологических рецептов. В рамках отечественной политологии этот кризис стимулировал прагматический поворот от моно- к мультипарадигмальности политического знания. Релятивизация такого знания привела к тому, что право на существование получила всякая концепция, но ни одна более не способна сделать свою истину всеобщей.

**Цивилизационная
парадигма
как реванш
аутентичности**

Транзитологии, утратившей свое первоначальное доминирование в российской политической науке, начали успешно противостоять теории, базирующиеся на цивилизационном подходе. Парадигма цивилизации как основного субъекта исторического процесса строится на отрицании единого для всего человечества пути развития. Она исходит из того, что ценности Просвещения и Модерна *могут быть универсальными и общечеловеческими*, но никак не могут быть универсальными те или иные исторические, национальные рецепты их реализации.

В рамках цивилизационных теорий обосновывается тезис о том, что универсальные ценности и институты способны быть составной частью только общечеловеческой культуры. Но такой культуры никогда не существовало — в лучшем случае ее предстоит создать в будущем. Говорить от имени подобных универсалий — значит претендовать на глобальную власть. Человечество едино лишь по своему генезису, как биологический род, но в политическом и культурном отношении оно поделено на национально-государственные и цивилизационные общности, конфликтующие, исторически изменчивые, часто исходящие из противоположных социокультурных аксиом.

Соответственно, как в политике, так и в системе политического знания нельзя достичь объективных истин, ибо все политические

субъекты и исследователи цивилизационно и национально ангажированны. Претендовать на всеобщность могут только прескриптивные нормы политики, а не политические истины. Цивилизационная парадигма исходит из того, что всеобщность политических ценностей пока достижима исключительно в рамках цивилизационных универсумов, которые их порождают, но не человечества в целом. Не случайно за пределами историко-географического ареала Просвещения такие самоочевидные для европейской цивилизации понятия, как «свобода», «демократия», «права человека», «частная собственность», «индивидуализм», «конкуренция», «гражданское общество», часто теряют свою привычную семантическую нагрузку, тем самым утрачивая возможность выполнять ритуально-символические функции объяснения политики и легитимации политических практик. В глобальном мире абсолютизация ценностно-символической матрицы той или иной цивилизации аналогична очередной попытке построения Вавилонской башни.

Интенсификация процессов глобализации отчетливо продемонстрировала герметичность и граничность цивилизационных ценностей, догматическое насаждение которых за пределами их ареалов приводит к серьезным конфликтам и отторжению объектами подобного «цивилизаторства». Цивилизационная парадигма указывает на источники парадоксов, возникающих при реализации одних и тех же идей в разных цивилизациях и осмыслявшихся в рамках классической теории модернизации как патология или «ошибка исполнителей». Деуниверсализация теории модернизации осуществляется через критику национально-государственных проектов Модерна и Просвещения, которые навязывают всем свои исторически уникальные пути развития и формы институционализации ценностей как образцы для подражания. Политические нормы, ценности и цели цивилизационной общности не могут черпаться в идейном пространстве другой цивилизации.

Уязвимым местом цивилизационного подхода является постулат о непреодолимости цивилизационных различий. Применительно к российской действительности цивилизационный подход — это концепция познания России как самостоятельной, уникальной реальности. Априорная аксиома состоит в том, что любая политическая теория культурно детерминирована, а объект, к которому ее пытаются приложить, — уникален и не типичен. Поэтому эффективная, работающая теория может возникнуть только в аутентичном пространстве цивилизации, через интерпретацию ее прошлого, настоящего и будущего. Особенности аутентичного политического пространства России осмысляются как детерминированные имперским статусом страны, ее цивилизационной уникальностью, нередуцируемостью ни к Европе, ни к Азии, ни к квинт-эссенции того и другого (Россия как Евразия или Азиопа), а также идеократическим принципом построения российского государства.

В настоящее время цивилизационная парадигма в России наиболее характерна для традиционалистских и евразийских политических теорий. В русле анти- и альтерглобализма эти теории критикуют уже не

столько западный проект Просвещения, сколько перспективу реализации глобального пост-Модерна, который оборачивается симуляцией и уничтожением Модерна, контр-Модерном. В российской политической науке данная парадигма коррелирует с «реваншистским мировоззрением» и критикой доминирующего в постсоветское время «западнического» дискурса.

Сторонники цивилизационного подхода настаивают на том, что если реализация некоей теории, например либеральные реформы, дала «патологический» результат, то причина здесь не в несовершенстве «реальности», а в нерелевантности самой теоретической парадигмы. Поэтому объяснение формального характера демократии, рынка, гражданского общества через некую присущую России патологию (пассивность русского народа, тоталитаризм общины, неразвитость правового сознания, тоска по «сильной руке», русская лень и т.п.) является, с одной стороны, формой интеллектуального мазохизма, а с другой — попыткой онтологического оправдания теории транзита, наткнувшейся на уникальность российской исторической и цивилизационной реальности, которую она отбрасывала как несущественную.

**Парадигма
глобализации:
трансформация
политического
Модерна**

Главная аксиома глобализационной теории заключается в том, что социальная реальность уже не может быть адекватно описана языком «великих идеологий и утопий». Парадигма глобализации невольно легитимизирует культурно-политическую ситуацию глобального неолиберализма, невосприимчивого к социокультурным различиям современных обществ и провозглашающего универсальность экономических законов миросистемы, что отчасти сближает ее с транзитологией. Вместе с тем, в отличие от последней, она наносит удар по нации-государству как основному политическому субъекту и форме реализации универсального ценностного порядка Просвещения.

Нации — это звено, которое сплачивает все более расходящиеся политические уровни глобального и локального. Отсюда логически вытекает отрицание значимости национально-государственной специфики политики, «нейтрализация» нации-государства как ключевого участника политического процесса. Как следствие, начинает провисать сама структура политической системы, сложившейся в условиях Модерна. Глобализм, претендующий на предельно универсальное измерение политического, по своим результатам оказывается парадоксально локализирующим. В связке «человек—нация—человечество», соответствующей связке «гражданин—государство—глобальность (транснационализм)», глобализация выбивает среднее звено — нацию-государство, на которой строился универсализм Просвещения и Модерна. Это оборачивается делегитимацией исторической эпистемы Просвещения через концепции «конца истории», постструктурализм, деконструкцию и языковые игры.

Мало того, глобализация обнаружила, что в мировом контексте столь естественное для Европы слияние нации и государства вовсе не

универсально и не естественно. Преходящий характер данного тождества осложняет перспективы нации-государства как доминирующей политической формы и главного субъекта международной политики. Вместе с тем бросается в глаза, что правота в споре между глобалистами и антиглобалистами относительно позитивных и негативных эффектов глобализации зависит от того, на каких составляющих социально-политических процессов делается акцент, на чьем опыте — «первого», «второго» или «третьего» мира — исчисляются издержки и выгоды глобализации. В этой ситуации все большее число исследователей начинает осознавать необходимость отказа от односторонности, когда эффективны лишь фундаментальные глобальные решения по принципу «или-или», которые либо превратят либеральные ценности в реальные и доступные всем права, либо приведут к разочарованию и отказу от этих принципов в виде расизма, иерархии мировых политий, деления людей на «цивилизованных» и «варваров». В случае развития российской политической мысли по второму сценарию неизбежен кризис достигнутого в ней коммуникативного либерального консенсуса.

Соответственно, привилегированное место теории развития (модернизации) постепенно занимает вытесняющая ее теория многофакторных изменений, осмысляющая двойственный процесс глобализации/локализации национальных пространств политики. Если глобализация связана с универсальными политическими процессами, то локализация — с актуализацией уникального, особенного. Поэтому теория многофакторных изменений крайне осторожна в выписке единых рецептов. Будучи весьма консервативной и прагматичной, эта теория ориентирована не на реализацию политических идеалов, а на осмысление традиции и тех альтернатив развития, которые формируются внутри самого общества.

В условиях непредсказуемой и неустойчивой постбиполярной политики возросло внимание к осмыслению «особенного» (мультикультурализм, гендерные теории и т.п.), прежде затушевывавшегося в интересах стабильного мирового порядка, поддерживаемого США и СССР. Идеологические границы, оформлявшие политическое пространство во времена холодной войны, отходят на второй план. Идеологическая составляющая политики начинает носить скорее маргинально-вспомогательный, нежели определяющий характер. На передний план выдвигаются подавлявшиеся ранее религиозные, культурные, этнические, географические и иные различия. При этом глобализация связывается уже не с пирамидальной организацией власти, а со все более популярной топологической метафорой горизонтальных сетей — экономических, политических, информационных, — охватывающих мир в целом.

«Развитие глобальных сетей приводит к ситуации, когда власть структуры становится сильнее структуры самой власти, то есть социальная морфология доминирует над социальным действием», — констатирует Л.Мясникова¹³. Собственно, основная проблема на данном этапе и заключается в том, что дискредитация постмодернистами самой

¹³ Мясникова 2002: 10.

возможности движения к универсальным политическим ценностям, институтам и нормам приводит в реальной политике только к войне различий, партикуляризму и дроблению идеологических общностей в виде традиционных классов на ситуативные идентичности. Естественная гармония частных мнений, их суммирование или снятие различий оказываются невозможными, ибо в отсутствие единого масштаба и иерархии ценностей Модерна все они предстают равновеликими и недостоверными в научном коде «истина/не истина».

Ироническое размывание пост-Модерном идеологических понятий Модерна до предельно широких, манипулятивных значений указывает на тенденцию к обесцениванию и обесмысливанию ценностей, которые они призваны выражать. Это размывание проявляется в росте расхождений между «планом содержания» и «планом выражения» политической риторики, в превалировании контекста над текстом, риторики над аналитикой, коннотации над денотацией. Отсюда постмодернистское состояние полилога, многоголосия концепций, мировоззрений и политических субъектов (этносов, наций-государств, цивилизаций, классов, конфессий, транснациональных корпораций), каждый из которых открывает собственную истину глобализации, но не в силах сделать ее всеобщей. В связи с этим необходимость встраивания в глобальный контекст оборачивается кризисом существующих политологических концепций и подходов. Прежние теории политики вынуждены быть релевантными уже не только на местном, национальном или цивилизационном, но и на глобальном уровне, что влечет за собой накопление внутренних противоречий и ретроспективную переоценку собственной эффективности на тех уровнях политического, на которых еще недавно они были и значимыми, и функциональными.

**Проблемы
и перспективы
развития
российской
политической
науки**

Итак, в российской политической науке сейчас представлено несколько парадигм, легко извлекаемых из корпуса политических и политологических текстов.

Для структуры транзитологической парадигмы ключевой является ценность перехода от разнообразных видов тоталитаризма к демократии как идеальному типу через проведение «реформ». Эта парадигма имеет отчетливый прогрессистский подтекст, причем «золотой век» в ней мыслится предельно приземленно, будучи материализован топологически, как бы это ни скрывалось, в виде нормативности политической реальности постиндустриальных стран. В транзитологической парадигме рефлексия исследователя минимальна, а исследования носят в основном эмпирико-прикладной характер, заключаясь в приложении универсальной теории к изучаемой социокультурной реальности и одностороннем тенденциозном отборе фактов, дабы результат применения теории подтвердил ее универсальную значимость.

На первый взгляд, когда в российской политической науке теория научного коммунизма уступила место политологии западного образца,

сменилась и познавательная парадигма. Но это только на первый взгляд. В действительности марксистская теория экономических формаций и перехода к коммунизму была заменена своим зеркальным антагонистом — теорией модернизации и перехода к демократии и капитализму. При массовом отказе исследователей от классового подхода и идеализации рабочего класса сама методология не изменилась. В настоящее время обе эти сверхидеологизированные теории практически иррелевантны, ибо отражают классическую борьбу программных партий и «великих идеологий» в реалиях «ортодоксального» индустриального Модерна. В условиях формирования в России массового общества потребления они уже не работают, утратив свою актуальность.

Одной из главных причин кризиса теорий демократического транзита стало то обстоятельство, что в российском политическом дискурсе понятие демократии содержательно разрабатывалось только через противопоставление прошлому, как антипод всего советского, антикоммунизму. В результате демократия так и осталась негативным теоретическим концептом, не приведенным в согласие с новой реальностью. Впрочем, такое развитие событий было вполне предсказуемым, ибо демократия пришла в Россию не как набор конкретных практик и правил, но именно как утопический проект, который по определению не может быть реализован полностью. Форма этого пришествия была идентична исторической форме пришествия коммунизма как попытке реализации политической утопии. Но воплотить утопию еще никому не удалось. Поэтому неудивительно, что, превратившись из утопии в официальную идеологию властной элиты, демократия тут же обрела новых антагонистов в лице ностальгирующих по советскому проекту Модерна¹⁴, а также авторов и адептов критических теорий, указывающих на изъяны и неэффективность ортодоксальных демократических идей и институтов в современной России. Негативный дискурс демократии как антикоммунизма, наиболее полно представленный транзитологией, потерпел моральное поражение, перейдя с доминирующих на маргинальные позиции в рамках российской политической науки.

Однако это поражение вовсе не означает кризиса самой идеи демократии, которая переинтерпретируется в прикладной плоскости в проблему моделей и качества функционирования демократических институтов в различных обществах. Сама проблема «качества демократии» представляет собой переход от нормативных идеальных типов, с помощью которых ранее описывались политические режимы (тоталитаризм vs демократия или социализм vs капитализм), к количественной оценке степени демократичности. Транзит от одного реально не существующего идеального политического типа к другому, не менее виртуальному, заменяется здесь количественным измерением совокупности демократических признаков политического режима, которое в итоге указывает на его «суммарное качество». Однако при таком подходе демократия как характеристика по умолчанию приписывается

¹⁴ Кара-Мурза
2005.

практически любому обществу, что ведет к логической подмене понятий. Вместо одного из видов политического режима (как это было у Платона и Аристотеля) демократия становится чуть ли не единственным возможным, внутри которого возникает дифференциация на плохие и хорошие демократии. В итоге «глобализированная демократия» оборачивается профанацией и релятивизацией таковой в духе постмодерна.

Парадигма цивилизации носит «реваншистский» характер и связана с критикой транзитологии. Ее утопический проект строится на том, что *могло бы быть* вместо наличествующего status quo. Это апологетика «своего пути», будь то альтернативный Модерн в виде СССР, Россия как самодостаточная автаркия¹⁵, Православная¹⁶ или Евразийская¹⁷ цивилизация, Русская Система¹⁸ или что-то еще. Ключевым изъяном теории цивилизации является то, что, отстаивая уникальные, аутентичные принципы «советского» Модерна в сравнении с «ортодоксальным» Модерном Запада, она зачастую просто переворачивает бинарные коды теорий транзита, пытаясь превратить недостатки в достоинства, а универсальное — в особенное.

Наконец, ценностная аксиома парадигмы глобализации заключается в переходе к состоянию постмодерна, в рамках которого принципиально меняются как политические реалии, так и привычные категории описания политики. Политика осмысляется как управляемый и конструируемый элитами процесс, эффективность которого связана с постиндустриализацией, информатизацией, транснационализацией и виртуализацией современных обществ, где электронные масс-медиа оформляют своего рода электронное публичное пространство, симулирующее реальное политическое бытие и одновременно предвосхищающее политическую реальность.

В данной парадигме глобальный триумф противников России в холодной войне оказывается обусловлен именно тем, что Запад изменил правила политического противостояния биполярного мира, совершив символическую революцию. Спор вокруг Модерна и Просвещения, который велся сторонами на языке «великих идеологий» и был ограничен рамками этих проектов, Запад превратил в спор между Модерном и пост-Модерном, то есть легитимировал для себя игру без правил, в то время как Россия осталась верна правилам, ценностям и целям индустриального общества в их альтернативном советском варианте, что и послужило причиной ее геостратегического поражения.

В глобализированном мире институты и представления классического Модерна действительно испытывают кризис, вызванный тем, что этот проект покинул породившую его социокультурную почву и претендует на роль глобального политического проекта. Здесь возможны два варианта развития событий. Либо политический Модерн сможет трансформироваться в нечто вроде «плюрализма модерностей», избавившись от своих нетранзитивных, уникальных черт, либо он будет вытеснен неким постсовременным политическим проектом, не связанным с идейным течением постмодернизма, ибо последний не обладает

¹⁵ Паршев 1999.

¹⁶ Панарин 2002.

¹⁷ Орлова 1998.

¹⁸ Пивоваров, Фурсов 2001.

«позитивной концептуальностью», то есть способностью интегрировать «другого» и созидать «универсальное» в политике.

Суммируя вышесказанное, можно констатировать, что для становления идейно самостоятельной российской политической науки, а не «политологии по поводу России»¹⁹, необходим «теоретический субъект», сознающий свою связь со значимым политическим субъектом внутри российского политического универсума. И таких субъектов в условиях реальной демократии должно быть больше, нежели один — в виде правящей элиты. Только так политическая наука может быть защищена от доминирования идеологии. При этом априорные посылки, лежащие в основании политических норм, теорий, идеологий, должны быть найдены в пределах аутентичного пространства России. В противном случае ей грозит участь «интеллектуальной полупериферии», где по определению не могут сформироваться авторитетные политологические школы, способные предлагать миру оригинальные идеи. Но чтобы такие идеи получили признание в мире, следует мыслить глобально, отказавшись от модели самодостаточного обществознания «для внутреннего пользования» и апологии уникальных особенностей России.

Любые продуктивные идеи рождаются из осмысления собственной истории, традиции и практики. Идеи, концепции, институты должны быть важными и ценными прежде всего в России, а не где-то еще. Лишь после подобной апробации их можно предложить остальному миру. Но если какие-то концепции, институты или типы культуры эффективны, к примеру, в Европе или России, это не означает, что они обязательно окажутся таковыми вне Европы или России. Здесь одинаково плохи как отказ от эффективно работающих «особенных» институтов, так и попытки перенести их туда, где они не функциональны в силу своей ограниченной применимости. Практики вырастают из истории, онтологии, культуры — схем коллективного действия, символов, ритуалов, привычек, стереотипов мышления. Политические ценности, цели и практики субъективны, и их рефлексия предполагает восхождение на уровень политической философии, автономный от прикладного политического анализа.

Идеи объективируются, когда реализуются в политических институтах, но в то же время они автономны от онтологической критики. «Объективация ценностей» путем отождествления их с определенными политическими институтами ложна. Идеи порождают институты, однако институты не могут автоматически породить общественное сознание, когда-то их инициировавшее. Привнесенные извне политические институты сами по себе не обуславливают производство в обществе адекватных им ценностей. Механическое внедрение институтов демократии, свободы слова, разделения властей, выборов, рынка не ведет *автоматически* к установлению реальной демократии и капитализма. Эти институты будут эффективными лишь в обществе, которое выбрало демократию, капитализм, права человека и т.п. прежде всего как

цели и ценности, а не как способы получения неких материальных или статусно-символических выгод. И только в таких обществах привитие соответствующих институтов пройдет успешно.

Библиография

- Александр** Дж. 2002. Прочные утопии и гражданский ремонт // *Социс.* № 10.
- Бляхер** Л.Е. 2003. Властные игры в кризисном социуме: преобразование российской институциональной структуры // *Полис.* № 1.
- Бычкова** О.В. 2001. Постсоветское рыночное реформирование: политэкономические концепции // *Полис.* № 6.
- Гельман** В.Я. 2001. «Столкновение с айсбергом»: формирование концептов в изучении российской политики // *Полис.* № 6.
- Гуторов** В.А. 2001. Современная российская идеология как система и политическая реальность. Методологические аспекты // *Полис.* № 3.
- Ильин** М.В. 2001. Политология России: между научным лидерством и провинциализмом // Ильин М.В. (ред.) *Политическая Россия: предмет и методы изучения.* — М.
- Кабаченко** А.П. 2001. Политический процесс и политическая система: источники саморазвития // *Вестник МГУ. Сер. 12: «Политические науки».* № 3.
- Казанцев** А.А. 2001. Политическая наука: проблема методологической рефлексии (Обзор круглого стола) // *Полис.* № 6.
- Капустин** Б.Г. 2001. Конец «транзитологии»? О теоретическом осмыслении первого посткоммунистического десятилетия // *Полис.* № 4.
- Кара-Мурза** С.Г. 2005. *Советская цивилизация. От начала до Великой Победы.* — М.
- Мясникова** Л.А. 2002. Экономика постмодерна и отношения собственности // *Вопросы философии.* № 7.
- Орлова** И.Б. 1998. *Евразийская цивилизация.* — М.
- Панарин** А.С. 2002. *Православная цивилизация в глобальном мире.* — М.
- Паршев** А.П. 1999. *Почему Россия не Америка.* — М.
- Пивоваров** Ю.С., Фурсов А.И. 2001. «Русская Система» как попытка понимания русской истории // *Полис.* № 4.
- Прозоров** Б.Л. 2001. О судьбах советологии // *Вестник МГУ. Сер. 12: «Политические науки».* № 6.
- Штомпка** П. 1996. *Социология социальных изменений.* — М.
- Robertson** R. 1995. Glocalization: Time-Space and Homogeneity-Heterogeneity // Feartherstone M., Lash S., Robertson R. (eds.) *Global Modernities.* — L.